

уличной планировки» — стр. 179) или прямо относят к уличным деревни прибрежно-рядовой планировки (стр. 237). Между тем, уличную планировку всегда отличает положение усадеб по обеим сторонам улицы-дороги «лицом» (большей частью — фасадами домов) друг к другу. Если же дворы стоят друг к другу «в затылок» и дома обращены фасадами в одну сторону, то это — рядовая планировка, даже если бы они и располагались через дорогу. С этой точки зрения планировка, о которой говорится на стр. 244, по-видимому, рядовая, а не уличная, как утверждает автор.

Имеются повторы, которые легко было бы устранить. Так, в статьях Ю. Юргиниса и П. Буткявичюса (стр. 226—228, 231—232) повторяется характеристика планировки деревень в связи с волочной реформой, ее можно было дать лишь в одной из статей.

Не всегда выдержана единая транскрипция названий, например: Кайвены — Кайвени, Сильяни — Сильяни (стр. 154—155, и рис. 4). Картосхемы республик и отдельных областей сделаны «немыми». Между тем, указание названий хотя бы крупных городов, пуансоны которых сейчас легко спутать с условными обозначениями иного порядка (например, на стр. 193, 236, 244), намного облегчило бы пользование картосхемами для тех, кто не занимается специально Прибалтикой.

Все эти мелкие замечания мы делаем в надежде на то, что они пригодятся в дальнейшем издании материалов и исследований о поселениях Прибалтики. Этот интересный и полезный труд, значение которого выходит за пределы Прибалтийского региона, несомненно, должен быть продолжен.

М. Г. Рабинович

Декоративное искусство Дагестана (Автор-составитель Д. Чирков). М., 1971, 277 стр., 165 илл.

За последние годы оживился интерес к быту и культуре народов Дагестана. Этому способствуют произведения дагестанских писателей и поэтов, издаваемые на русском языке, труды историков, этнографов, археологов и искусствоведов. Однако до сих пор отсутствовали популярные издания, посвященные местному декоративному искусству. И вот первая такая книга издана. Это альбом, составленный Д. А. Чирковым. Введение принадлежит перу народного поэта Дагестана Расула Гамзатова.

Текст дан на трех языках: русском, французском и английском.

В альбоме четыре раздела. Первый — посвящен керамике Дагестана: здесь воспроизведены древние сосуды, поливная расписная посуда XVIII—XX вв. из села Испик, керамические сосуды с ангобной росписью и резным узором из села Сулевкент. Представлено много оригинальных расписных кувшинов, тарелок, а также мелкая пластика (глиняные игрушки) из села Балхар. Автор показывает своеобразие форм и декоративные особенности керамики каждого центра гончарного производства Дагестана.

Во втором разделе, самом большом по объему, рассматривается художественный металл. В иллюстрациях этого раздела воспроизводятся древние и средневековые изделия, вещи кубачинских и гоцатлинских мастеров, изготовленные в XVIII—XX вв. и в наши дни. Много различных женских серебряных украшений работы аварских, кубачинских и лакских мастеров: ажурные серьги, подвески, массивные женские поясные пряжки XIX в., покрытые зернью, чернью и сканью; здесь показано и богато отделанное оружие XIX в.

В этом же разделе даны работы народных мастеров декоративно-прикладного искусства Дагестана, много раз экспонировавшиеся на всесоюзных и всемирных выставках: Г. Кишева (перечница в форме кубачинского водоносного кувшина «муч'ал» и флакон для духов), Р. Алиханова (туалетная тарелка, сервиз для вина, декоративная ваза «Юбилейная»), Г. Магомедова (декоративный кувшин, вазы, флакон для духов, браслет с эмалью), А. Абдурахманова (пудреница, декоративная ваза в виде кувшина «муч'ал»), М. Джамаудинова (декоративный кувшин), М. Магомедовой (серебряный, с цветной перегородчатой эмалью, переплет книги Р. Гамзатова «Мой Дагестан») и др.

В следующем разделе альбома представлены резной камень и дерево. Здесь приведены фотографии ступок для чеснока, каменной подставки для прялки, мерок для муки, а также инкрустированных мельхиором изделий из дерева, изготовленных унцукльскими мастерами — курительных трубок, ступок, солонок, тарелок. Интересны декоративные панно с изображениями животных.

Последний раздел посвящен ковроделию, вязанию, ткачеству. В нем воспроизведены образцы узорного ткачества, вышивки XVIII—XIX вв., ковровые изделия аварцев, даргинцев, лезгин и других народов Дагестана и т. д. Д. А. Чирков показывает специфику и художественные особенности ковроткачества, вязания и вышивки, характерные для каждой народности, прослеживая при этом то общее, что присуще искусству всех народов Дагестана (стр. 203).

Всего в альбоме помещено 165 иллюстраций различных предметов декоративного искусства Дагестана из собраний крупнейших музеев СССР — Государственного Эрмитажа (Ленинград), Государственного исторического музея (Москва), Музея народ-

ного искусства (Москва), Музея искусства народов Востока (Москва), Дагестанского музея изобразительных искусств (Махачкала), и также частных коллекций С. Ханукаева, Д. Чиркова, Д. Митлянского, А. Власовой, Д. Маркевича и др.

Прекрасно оформленный, хорошо изданный альбом представляет интерес для искусствоведов, этнографов, историков, художников, а также для широкого круга читателей.

К сожалению, в тексте, написанном Д. А. Чирковым, допущены серьезные ошибки в датировке древних и средневековых предметов, а также в изложении развития керамического производства и художественной обработки металла. Так, расписную керамику IV тыс. до н. э., найденную в селе Гинчи, Д. А. Чирков считает наиболее характерной для Дагестана, а сосуд середины I тыс. до н. э. (рис. на стр. 19) выдает за образец типичной керамики эпохи бронзы.

Кувшин (стр. 21, рис. 2), названный автором «Поросенок», в подписи к иллюстрации неверно датирован III-VI вв. н. э., а в тексте он отнесен к еще более раннему времени: «для Нагорного Дагестана I-III вв. — пишет Д. Чирков, — типичны небольшие светло-красные кувшинчики с головой свиньи» (стр. 20). Между тем среди огромного керамического материала I-III вв. н. э., а также памятников III-VI вв. н. э. (Таркинский, Карабудахкентский, Хабадинский, Урпекский могильники, Большой Буйнакский курган, Урпекское, Верхнечирюртовское городище и ряд других) такие кувшины не встречаются. Следовательно, светло-красные кувшины с головой свиньи не были типичны для Дагестана ни в I-III вв. н. э., ни в III-VI вв. н. э. В эти периоды здесь была распространена зооморфная керамика совершенно другого облика. Что касается кувшина «Поросенок», то он впервые был опубликован Э. В. Кильчевской и А. С. Ивановым (найден в сел. Хури)¹. Указав примерную датировку его — III-VI вв. н. э. Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов несколько удревели эту находку. В свете последних археологических исследований такую керамику следует датировать X-XII вв. н. э.

Во втором разделе «Изделия из металла» на стр. 85 воспроизведена бронзовая литая подвеска (изображение женщины с ребенком на руках), которую Д. А. Чирков считает пряжкой пояса. Он датирует ее II-I тыс. до н. э. (!) и относит к коллекциям Государственного исторического музея (?). В действительности эта подвеска датируется VII-началом VIII вв. н. э., найдена она в раннесредневековом Верхнечирюртовском могильнике (раскопки 1956 г.), хранится в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Об этой подвеске, за которой уже закрепилось название «мадонна» (или «Верхнечирюртовская мадонна»), неоднократно писали². Она экспонировалась на выставке декоративно-прикладного искусства Дагестана в Москве и Ленинграде, в Польше и Чехословакии.

Бронзовая пряжка, воспроизведенная на той же странице, также хранится не в Историческом музее, а в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Датируется она не II-I тыс. до н. э., а VIII-X вв. н. э. и найдена во время раскопок Бежтинского могильника в 1958 г.³

Неточна датировка (конец I тыс. до н. э.) бронзовых культовых статуэток (стр. 81—83). В 1940-е гг. такие статуэтки относили к середине I тыс. до н. э.⁴, а в 1960-е гг. на основе новых данных время их бытования было уточнено — рубеж II—I тыс. до н. э.⁵

Допущены ошибки и в датировке ювелирных изделий, изготовленных в сравнительно позднее время. Например, браслет конца XIX в., воспроизведенный на стр. 109, датирован Д. А. Чирковым XVIII в.

Неверно указано время возникновения и расцвета ювелирного дела в Дагестане. На стр. 82 говорится, что «...во II в. н. э. получает расцвет ювелирное производство», а на стр. 106 читаем: «искусство ювелирной обработки серебра, возникшее в Дагестане в эпоху средневековья, было тесно связано с художественной традицией бронзового литья». Если расцвет ювелирного дела относится ко II в. н. э., значит зародилось оно раньше, а следовательно, искусство ювелирной обработки серебра возникло в Дагестане не в эпоху средневековья и не во II в. н. э., а в гораздо более отдаленную эпоху.

Неверно утверждение автора, что «с появлением изобразительности в значительной мере утрачена декоративность и орнаментальность вещей» (стр. 164). Очевидно, речь идет о серебряных изделиях, созданных в последние годы дагестанскими мастерами. В альбоме представлены две работы, в отделке которых наряду с традиционным кубачинским орнаментом использованы изобразительные элементы — браслет с эмалью Г.-Б. Магомедова (стр. 153, рис. 57) и декоративная ваза А. Абдурахманова (стр. 155,

¹ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов, Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, рис. 26.

² «Материалы по археологии Дагестана», т. II, Махачкала, 1961, стр. 261, рис. 11, 8; «Декоративное искусство СССР», 1969, № 12.

³ Д. М. Атаев, Археологические исследования у Главного Кавказского хребта, «Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР», т. VII, Махачкала, 1959; его же, Археологические исследования в Дидо, «Сов. археология», 1961, № 1.

⁴ А. П. Круглов, Культовые места горного Дагестана, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XII, 1946.

⁵ «История Дагестана», т. I, М., 1967, стр. 93.

рис. 59). На этих изделиях изображения птиц настолько органично вплелись в орнамент, что вряд ли можно говорить об утрате декоративности или орнаментальности.

В разделе «Резной камень и дерево» камнерезное искусство Дагестана представлено всего двумя предметами — ступкой и подставкой для прялки XIX в. Правда, в иллюстрациях к вводной части показан еще кубачинский камин с резьбой (отметим, кстати, что первые пять фотоиллюстраций альбома почему-то не имеют подписей). Но эти предметы не раскрывают все особенности и богатство камнерезного искусства народов Дагестана, получившего широкую известность по работам ряда исследователей⁶. Автор не всегда удачно раскрывает символику декоративных элементов, а назначение отдельных предметов истолковывает порой неверно. В тексте и в подписях к иллюстрациям встречаются неточные термины и выражения, такие как «задымленная керамика», часто применяемое Д. А. Чирковым для обозначения расписной керамики Балхара.

Помещенная в альбоме карта художественных промыслов Дагестана дает читателю представление о степени распространенности различных промыслов в тех или иных районах республики. Но почему-то на этой карте не обозначен широко известный центр производства художественной керамики Дагестана — село Балхар. Не указаны на карте и центры ткачества, хотя они помещены в указателе под номером 11. Карта содержит и другие неточности.

К числу недостатков рецензируемой книги относится и отсутствие рекомендательной или справочного характера литературы по декоративному искусству Дагестана. Судя же по тексту альбома, автор пользовался такой литературой, особенно работами Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова.

Эти и другие недостатки сильно снижают значимость альбома «Декоративное искусство Дагестана».

М. М. Маммаев

⁶ См.: А. С. Башкиров, Искусство Дагестана. Резные камни, М., 1931; И. А. Орбели, Албанские рельефы и бронзовые котлы, «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938, стр. 301—326; Е. М. Шиллинг, Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды, М.-Л., 1949; Э. В. Кильчевская, Декоративные искусство аула Кубачи, М., 1962; П. М. Дебилов, Резьба по камню в Дагестане, М., 1966; Э. В. Кильчевская, От изобразительности к орнаменту, М., 1968.

* * *

Перед нами книга-альбом, составленная Д. А. Чирковым, тираж ее 2500 экз. Полиграфически она исполнена безупречно: красивые опубликованные в ней фотографии, интересно задуман макет книги. Когда открываешь первые страницы, искренне радуешься горячим строкам предисловия. Написано оно поэтом Расулом Гамзатовым. На вопрос — почему же так богато и разнообразно искусство Страны гор, поэт отвечает: «Просто потому, что он горец! Просто потому, что учили его этому искусству тысячу и семь лет! Просто потому, что в нем живет поэт, композитор, художник!» (стр. 14). Такое предисловие могло бы украсить любой труд, посвященный культуре народов Дагестана. Откроем же книгу и внимательно прочитаем ее текст, посмотрим иллюстрации.

Первый раздел — «Керамика» — начинается с утверждения, что местное керамическое производство имеет тысячелетнюю историю (с VI—V тыс. до н. э.). Это документируется находками В. М. Котовича на позднеолитической стоянке Малин-Карат близ села Ругуджа. А далее следует уже вывод самого автора, пока, к сожалению, ничем не подкрепленный. Д. А. Чирков пишет, что с IV тыс. до н. э. вплоть до конца II тыс. до н. э. по всему Дагестану встречается «красно-лошаная керамика с ангобной росписью» (стр. 17). В действительности это не так. Только на стоянке Гинчи (у сел. Тидиб) М. Г. Гаджиев нашел древнюю (IV тыс. до н. э.) расписную керамику, которая, кстати, появилась в центральной части высокогорного Дагестана под воздействием культур Передней Азии¹. За огромный период III—начало I тыс. до н. э. на остальной территории Дагестана вырабатывалась лишь керамика с темной поверхностью, украшенная редким налепным орнаментом в виде поясков, выпуклостей и несложным углубленным узором. Видоизменялись формы посуды, менялся характер декора, но почти всегда местная керамика была покрыта шероховатой и грубой обмазкой, а не росписью и ангобом².

¹ М. Г. Гаджиев, Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э., «Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР», вып. 108, М., 1966, стр. 59—61.

² В. М. Котович, Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана, Махачкала, 1965; М. Г. Гаджиев, Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы, Махачкала, 1969; М. И. Пикουλ, Эпоха раннего железа в Дагестане, Махачкала, 1967; В. И. Марковин, Дагестан и горная Чечня в древности, «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 122, М., 1969.

Версия о повсеместном и очень длительном использовании росписи в декорировании посуды, очевидно, понадобилась автору, чтобы как-то связать прошлое с настоящим — с расписной керамикой сел Балхар и Сулеукент.

В книге есть и другие ошибки в освещении археологического материала. Так, на стр. 19 воспроизведен типичный средневековый сосуд IX—XIII вв. н. э. (они встречаются даже и в более позднее время), в подписи же к рисунку сказано, что это кувшин III—I тыс. до н. э. Подобные сосуды хорошо известны по множеству памятников (могильники Агач-Кала, Дегва, Кули)³. Такую керамику, звонкую, со следами работы ложилом, покрытую поясками с орнаментом змейкой и имеющую лепестковый слив (по типу эйнохой) все археологи Кавказа относят к албано-хазарскому времени. Эта керамика не имеет ничего общего с керамикой эпохи бронзы и раннего железа, т. е. III—I тыс. до н. э.

Касаясь общих вопросов развития гончарного дела в Дагестане, Д. А. Чирков следует за текстом книги Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова о художественных промыслах Дагестана, иногда чрезмерно упрощая концепции авторов, но об этом я скажу позднее. Вызывают сомнения многие предлагаемые Д. А. Чирковым датировки. Так, например, он пишет, что в VIII в. в Сулеукенте уже существовало «развитое производство глиняной посуды» (стр. 32), а Э. В. Кильчевская и А. С. Иванов говорят о таком производстве только предположительно, относя его к VIII—X вв.⁴ И больше веришь им, чем категорическому утверждению Д. А. Чиркова. Автор датирует XIII—XV вв. появление гончарного круга в Дагестане (стр. 42), а вот знаток дагестанского ремесла М. М. Маммаев считает, что гончарный круг вошел в употребление с первых веков н. э.⁵ И когда после подобных «экскурсов» Д. А. Чирков говорит о поселениях «начала нашей эры» (стр. 40) у села Балхар, то уже с сомнением относясь к его датам, тем более, что в археологической литературе эти поселения не упоминаются.

Обидно, что, говоря о современном искусстве гончаров, Д. А. Чирков не привел ни одного конкретного имени, не рассказал о мастерстве балхарских женщин. Даже глиняные статуэтки, что с такой любовью лепит Зубайдат Умалаева, в книге поданы как безымянные. А ведь им посвящена специальная статья искусствоведа И. Ш. Арбухановой⁶.

Балхарские статуэтки Д. А. Чирков совершенно справедливо рассматривает как «персонажи лакских народных сказок» (стр. 72), хотя и существует ничем не подкрепленное мнение Д. Митлянского, что их образы навеяны «Змеями-Горынычами, Тяни-Толкаями, сиренами», пришедшими уже в наше время из русских книжек⁷.

Второй раздел альбома — «Изделия из металла» — также начинается с небольшого археологического экскурса, в котором также имеются неточности. Д. А. Чирков пишет, что изделия эпохи бронзы «отличались сложной формой и орнаментом» (стр. 79). А это не совсем верно. В эпоху бронзы — в III—II тыс. до н. э. — формы предметов были крайне просты. Их орнамент можно назвать монументальным, но только не сложным.

Совершенно несерьезно представлено декоративное искусство Кавказской Албании. Можно подумать, что в период с IV в. до н. э. — VII в. н. э. здесь изготавливались лишь бронзовые котлы, которые весьма условно принято называть «албанскими». А где же зооморфные водолы, кувшины, блюда и чаши, что были найдены в Дагестане? Известно, что именно в это время сасанидское искусство получило широкое развитие, оно обогащало искусство самых различных народов и само обогащалось за их счет⁸.

Меньше всего возражений вызывают те страницы, на которых Д. А. Чирков описывает бытовую медную посуду кубачинцев и гоцатлинцев (стр. 90—104). Здесь только можно заметить, что автор совершенно упустил из вида медночеканное производство лакцев. Их продукция пользовалась большим спросом как в Дагестане, так и за его пределами⁹.

Ювелирному делу в книге отведено большое место. Однако, говоря о глубинных истоках дагестанского мастерства, Д. А. Чирков не использовал материалы ряда могильников (Новолакский, Мугерганский, Агачалинский, Акушинский и др.), в которых найдено много ювелирных изделий — прототипов украшений, характерных для настоящего времени.

³ К. Ф. Смирнов, Агачалинский могильник — памятник хазарской культуры Дагестана, «Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. XXXVIII, М., 1951.

⁴ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов, Художественные промыслы Дагестана, М., 1959, стр. 25.

⁵ М. М. Маммаев, Ремесло Дагестана албано-сарматского и ранне-средневекового времени, Автореферат канд. дис., М., 1970, стр. 7.

⁶ И. Ш. Арбуханова, Сказочное царство Зубайдат Умалаевой, «Сов. Дагестан», Махачкала, 1970, № 3.

⁷ Д. Митлянский, Маленькие шедевры из Балхара, «Декоративное искусство СССР», 1967, № 9, стр. 48.

⁸ К. В. Тревер, Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, М.-Л., 1959.

⁹ Д.-М. С. Габиев, Металлообработка у лаков, Автореферат канд. дис., Тбилиси, 1959, стр. 11, 12.

Описывая современное ювелирное дело у дагестанцев, Д. А. Чирков говорит: «изготавливались они (ювелирные изделия — В. М.) на заказ лишь как подспорье к занятию сельским хозяйством. В то же время это ремесло передавалось из поколения в поколение и было профессиональным» (стр. 106). Это замечание не очень удачно перефразирует мысль Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова из упоминавшейся выше книги. Цитирую: «Изготавливались эти изделия (ювелирные — В. М.), как правило, на заказ, Ювелирное дело являлось для мастеров лишь подсобным ремеслом к основному занятию сельским хозяйством. Тем не менее, это ремесло было профессиональным и большей частью передавалось из поколения в поколение»¹⁰. К сожалению, и в дальнейшем тексте раздела встречаются подобные «совпадения».

Неудачна композиция раздела об изделиях из металла. Так работы кубачинских мастеров описываются попеременно с работами аварских мастеров. При этом последнее утверждение порой противоречит предыдущему. Так, например, Д. А. Чирков подчеркивает, что чернь на аварские изделия из серебра не накладывалась (стр. 112), а далее пишет о черневых рисунках, которые особенно умело делали мастера селений Ругуджа, Согратль, Гамсутль.

Известно, что ювелирные изделия дагестанцев часто украшаются камнями. Их набор невелик: черный агат, красно-оранжевый сердолик, вишнево-красные альмандины, сине-черная ляпис-лазурь (лазурит), лазоревая бирюза, а также красный коралл. Камни и кораллы поступали в основном из стран Востока. Д. А. Чирков в аннотациях к рисункам упоминает не характерные для Дагестана топазы, янтарь и проч. Эти камни могли быть использованы для украшения в самое позднее время, или же они неверно определены.

Третий раздел книги — «Резной камень и дерево» — довольно беден. Здесь отсутствуют знаменитые кубачинские рельефы, нет известных своей красотой надмогильных стел, даже не упомянута архитектурная резьба по дереву: читатель так и не узнает о существовании «корневых столбов» с солярными знаками, о «кукби» — символическом изображении женской груди, украшавшей каменными выступами старинные аварские дома и башни. Искусство резьбы по камню и дереву в альбоме сводится, в основном, к честочным ступкам, и лишь несколько страниц посвящены деревообделочному мастерству Унцукуля. Но и здесь, как в предыдущих разделах, фигурируют безликие вещи, а две-три деревянные плакетки с инкрустированными изображениями драконов и крылатых лис трактуются как подражания средневековым каменным рельефам селения Кубачи, о которых ранее ничего не говорилось.

Последний раздел, «Ковроделие, вязание, ткачество», занимает большую часть книги. К сожалению, там, где автор не описывает конкретные изделия, он просто-напросто перефразирует отдельные положения из упоминавшейся уже книги Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова. Для этого достаточно сравнить стр. 201, 203, 224, 234, 240, 242, 254 из альбома Д. А. Чиркова и, соответственно, стр. 69, 71, 81, 83, 81, 74 из работы Э. В. Кильчевской и А. С. Иванова.

Итак, рецензируемая книга, изданная с параллельными текстами на английском и французском языках, не дает, к сожалению, ничего нового, не информирует широкого читателя о последних успехах археологов, искусствоведов, этнографов. Она написана на низком научном уровне, к ней не приложен даже список литературы. Ведь чтобы писать популярно, необходимо, прежде всего, хорошо знать материал. На наш взгляд, издательство «Советский художник» явно поспешило с публикацией этой книги.

В. И. Марковин

¹⁰ Э. В. Кильчевская, А. С. Иванов, Указ. раб., стр. 51.

Исторические песни XVIII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971, 356 стр. **Исторические песни XIX века.** Издание подготовили Л. В. Домановский, О. Б. Алексеева, Э. С. Литвин. Л., 1973, 284 стр.

В 1960 г. вышел в свет первый выпуск свода исторических песен в серии «Памятники русского фольклора» — «Исторические песни XIII—XVI веков», в 1967 г. — второй выпуск — «Исторические песни XVII века», в 1971 г. — третий — «Исторические песни XVIII века». С опубликованием в 1973 г. последнего, четвертого сборника «Исторические песни XIX века» завершено первое в истории русской и советской фольклористики фундаментальное издание исторических песен XIII—XIX вв. Настоящее издание, наиболее полное по охвату материала и по числу публикуемых текстов: в четырех выпусках опубликовано 1665 исторических песен с нотными приложениями (218 нотных примеров). Сборники подготовлены к печати с учетом современных текстологи-